

Мстиславичу. Последние издатели этого документа, развивая тезис о том, что экземпляр К является проектом договора 1229 г., склонны датировать его 1223—1225 гг., признавая его вышедшим из рук неизвестного князя. Предложенная дата извлечена из Хроник Генриха Латвийского, сообщающей о заключении торгового договора между немецким орденом и Смоленском в указанное время²⁷. Такая постановка вопроса, как нам кажется, не безупречна. Экземпляр К содержит уже цитированную отсылку к какому-то предшествующему договору, заключенному при «брате Мстиславе», а как раз 20-е годы XIII в. оказываются временем наиболее вероятного княжения Мстислава Давидовича. Этот князь упоминается в Смоленске с 1228 г., но начальная дата его княжения не известна, а на период с 1219 по 1228 г. падает перерыв в летописных сообщениях о судьбах смоленского стола. Если в отсылке экземпляра К имеется в виду договор 1223—1225 гг., сам экземпляр К, естественно, должен датироваться более поздним временем.

Что касается экземпляра D Смоленской правды, то он в настоящее время датируется 1270—1277 гг. на основании следующих доводов. Во-первых, в экземпляре D (и, кроме того, только в экземпляре E) имеется приписка, упоминающая татарского посла, которая дает основание утверждать, что документ в существующем виде не мог быть написан ранее 70-х годов XIII в., когда, по П. В. Голубовскому, в Смоленске впервые появляются золотоордынские чиновники²⁸. Во-вторых, все последующие редакции Смоленской правды ссылаются на прецедентное докончание князя Глеба Ростиславича (1270—1277 гг.), что фиксирует существование какого-то экземпляра этого договора, составленного и утвержденного в указанные годы. В-третьих, рассматривая привешенную к документу печать с изображением святых Бориса и Глеба, Н. П. Лихачев пришел к следующему заключению: «Среди смоленских князей после князей Мстиславов-Борисов мы не находим князя с именем Бориса, но перечень лиц, княживших в Смоленске после Мстислава Давидовича и до Федора Ростиславича, так мал, что мы не можем не остановиться на Ростиславе Мстиславиче, у которого был сын Глеб Ростиславич, княживший с 1270 по 1277 год»²⁹.

²⁷ «Смоленские грамоты», стр. 15—17.

²⁸ «Памятники русского права», вып. 2. М., 1953, стр. 85.

²⁹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 26.

Между тем ни один из этих аргументов не может быть принят безоговорочно. Во-первых, как это было отмечено еще А. А. Куником, приписка, сделанная в экземпляре D, сделана иной рукой, нежели самый текст документа. Поэтому совершенно прав Н. П. Лихачев, подчеркнувший, что «в датировке списка D мы отнюдь не стеснены этим приписанным позднее условием»³⁰. Во-вторых, известно, что все позднейшие экземпляры Смоленской Правды (экземпляр А с печатью князя Федора Ростиславича, экземпляр В князя Александра Глебовича, экземпляр С князя Ивана Александровича), ссылающиеся на докончание Глеба Ростиславича как на прецедентный и образцовый документ, в основу текста кладут так называемую готландскую редакцию Смоленской Правды. Между тем экземпляр D является одним из образцов рижской редакции этого акта³¹. Уже по указанной причине он не может быть отождествлен с образцовым актом позднейших докончаний. В-третьих, чтобы признать печать с изображением Бориса и Глеба буллой Глеба Ростиславича, недостаточно указать только на совпадение в имени — нужно установить также христианское отчество князя.

Родословная книга сохранила свидетельство о том, что в Смоленске в середине XIII в. существовал князь Ростислав Мстиславич (а именно так звали отца Глеба Ростиславича) с крестильным именем Борис³². Казалось бы, это свидетельство может служить только к подкреплению существующей датировки экземпляра D 1270—1277 гг. Однако вопрос далеко не так прост, как представляется на первый взгляд, поскольку в середине XIII в. в Смоленске существовало два Ростислава Мстиславича, и свидетельство Родословной книги может относиться не к отцу Глеба Ростиславича, а к его тезке. Другим Ростиславом Мстиславичем был младший сын Мстислава-Бориса Романовича, брат уже хорошо нам известных Святослава и Всеволода Мстиславичей³³.

История смоленского стола в середине XIII в. почти не известна. Тем не менее можно опре-

³⁰ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 27.

³¹ «Смоленские грамоты», стр. 18.

³² «Временник ОИДР», кн. 10, стр. 37.

³³ Под 1231 г. он называется в летописи «Ростиславом Борисовым» (ПСРЛ, т. I, стр. 194), а под 1240 г. — «Ростиславом Мстиславичем, внуком Романовым Смоленского» (ПСРЛ, т. II, стр. 177; т. XXV, стр. 131) В последнем случае в действительности речь идет о сыне Мстислава Давидовича (ср. ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 339). Для нас важно, что даже ошибкой летописец свидетельствует существование другого Ростислава Мстиславича.